…ЖЕГОР…Д…ІЯ
ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

569.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 54. СУББОТА СЕНТЯБРЯ 24-ГО 1849 ГОДА.

ДНЕВНИКЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

СЕНТЯБРЯ 22. Коронованіе Екатерины II въ Москвѣ 1782. Учрежденіе ордена св. Владиміра 1781.

Ирина Андреевна Гулимова.

Печальныя слѣдствія эпидемической болѣзни 1848 года нерѣдко заставляли меня, по долгу званія, приходить на Казанское при Крестовоздвиженскомъ Монастырѣ кладбище.

Въ одно время, совершивъ свою обязанность, и имѣя свободныя минуты, я остановился надъ прахомъ почившихъ о Господѣ братій, отецъ и сродниковъ нашихъ. Вижу на могилахъ различные памятники: богатые и бѣдные; мраморъ, бронза, желѣзо, камень, дерево—сколь поразительное разнообразіе! Иные изъ нихъ красуются мертвеннымъ великолѣпіемъ, другіе стоятъ полуразрушенные, и тѣмъ еще болѣе напоминаютъ общее тлѣніе. Картина—невольно извлекающая слезы! Здѣсь—почіетъ младенецъ, увядшій въ цвѣтѣ лѣтъ. Тамъ—покоится старецъ, сложившій съ себя тяжкое бремя жизни. Здѣсь отецъ, мать семейства, утрата которыхъ горько теперь оплакивается, и долго, а можетъ быть навсегда, оплакиваема будетъ сирыми дѣтьми. Вотъ свѣжая могила лучшаго изъ друзей, оставившаго по себѣ глубокое сожалѣніе; прекрасное звѣно, вырванное рукою смерти изъ огромной цѣпи и разорвавшее самую цѣпь. Думаю: тѣ же заботы, тѣ же страсти волновали здѣсь почившихъ, какія и нынѣ тревожатъ оставшихся послѣ ихъ на опасномъ полѣ брани: тѣ же надежды, мечты—а теперь одна мертвенная тишина. Одинъ только червь навѣщаетъ въ землѣ гробы ихъ. Надъ могилами летятъ годы, столѣтія, тысящелѣтія—но для усопшихъ—все одна длинная, безконечная, мрачная ночь, а утро—нѣтъ, оно уже не возсіяетъ для нихъ подъ этимъ солнцемъ, которое въ послѣдній день міра и само померкнетъ. Житейское море обуревается, кипитъ свирѣпыми волнами, не рѣдко сокрушающими огромные корабли человѣческаго благосостоянія: но эти бури не достигаютъ уже гробовъ, не тревожатъ болѣе уснувшихъ сномъ крѣпкимъ, безпробуднымъ до звука трубы архангельской, какъ самыя сильныя волны никогда не нарушаютъ покоя жителей морскаго дна. Люблю повторять одну надгробную надпись:

Якорь брошенъ, путь свершенъ,
Бури позабыты,
Тамъ покой получитъ онъ,
Здѣсь слезой омытый. (1)

Сколько подобныхъ, возвышенныхъ чувствъ выражено въ надгробныхъ надписяхъ: собраніе ихъ въ одно, составило бы прекрасную, поучительную книгу. Но, увы!—время, все сокрушающее, мало по малу стираетъ мощной своей рукой и самыя имена, годы, дни, выраженія чувствъ, начертанныя на гробницахъ, какъ море погло-

(1) Надъ гробомъ бывшаго директора Нижегородской гимназіи колл. ассесора Петра Васильевича *Алферьева*.

паетъ слѣды быстро плавущаго корабля, или бурный вѣтеръ заметыв[illegible]скѣ с[illegible] путника. Все это, какъ бы [illegible] челов[illegible] который старается болѣе оставить по себѣ несокрушимую на землѣ память, начертываетъ имя свое на тлѣнномъ веществѣ: металлахъ, камняхъ, деревѣ, не заботясь о томъ, чтобы оно написано было выше солнца, въ книгѣ блаженной жизни, тамъ, гдѣ нѣтъ уже никакихъ измѣненій,—тамъ—гдѣ памятники несокрушимые цѣлою вѣчностію. Этою свѣтлою мыслію Спаситель утѣшалъ своихъ учениковъ, неимѣвшихъ въ жизни ни дома, ни своего гроба: *радуйтеся, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ.*

Какая неизъяснимая грусть въ жилищѣ мертвыхъ! Здѣсь не услышишь, или весьма рѣдко услышишь, пѣніе веселой птички: раздаются одни воздыханія, одинъ плачь несчастной вдовицы, бѣдной сироты, или слухъ твой поражается дикимъ крикомъ ворона, жаждущаго добычи. Могильный цвѣтокъ, напоенный слезами, не радуетъ нашего взора. Напрасно онъ разливаетъ свое благоуханіе: никто имъ не услаждается. Самая весенняя зелень мрачна на унылом кладбищѣ. Печальныя только деревья, сосна и другія грустно растутъ надъ мертвенными костями.

Одно только здѣсь утѣшаетъ—одинъ отрадный лучь проницаетъ сквозь мракъ, носящійся надъ этимъ мѣстомъ тлѣнія—упованіе безсмертія. Будетъ время, и *грядетъ уже часъ*, по слову Спасителя, въ который *вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ.* Будетъ время, когда этотъ прахъ снова процвѣтетъ, подобно зерну, согнившему въ землѣ, а весной снова ожившему; на немъ видимъ тогда свѣжіе листки, прекрасные цвѣты, собираемъ съ него питательный плодъ. Червь умираетъ въ паутинномъ гробѣ, и—воскресаетъ прелестной бабочкой. Будетъ время, когда и мертвенныя кости праведныхъ *просіяютъ, какъ солнце.* Тогда, о таинство неизглаголанное! снова откроются померкшія очи, снова разверзется слухъ; снова заговоритъ дивнымъ словомъ истлѣвшій языкъ.—Бѣдная вдовица, несчастный сирота! утѣшьтесь. Вы опять увидите своихъ дѣтей, друзей, благодѣтелей—безсмертными, блаженными, если только на землѣ они были вѣрны своему долгу. Младенчество, старость, болѣзни, все это истребится подъ новымъ солнцемъ, подобно тому, какъ бросается худое рубище, когда человѣкъ изъ бѣдности, нищеты переходитъ въ лучшее состояніе. Тогда откроется блистательная по[illegible] падетъ послѣдній, сильнѣйшій врагъ на[illegible]ь. Вмѣсто измѣняющихся временъ, [illegible]ѣчный полдень; изчезнетъ различіе лѣтъ, [illegible]станетъ для всѣхъ одинъ цвѣтущій возрастъ, никогда неувядающій. *Небо будетъ ново, земля нова*; новое и всему назначеніе. Новыя имена небожителей, новая слава, новыя достоинства; а земное величіе, блескъ, пышность, все это сколь ни великолѣпно, останется, какъ прахъ, по эту сторону гроба, изчезнетъ, какъ ночный метеоръ, блеснувшій и угасшій въ тоже мгновеніе ока. *Рабъ и владыка, царь и воинъ, богатый и убогій,* предстанутъ всѣ *въ равномъ достоинствѣ. Кійждо отъ своихъ дѣлъ прославится, или постыдится.* Многіе изъ первыхъ будутъ послѣдними, послѣдніе—первыми. Чудное, непостижимое измѣненіе!

Среди этихъ думъ иду далѣе и далѣе между гробницами. Вижу наконецъ одну могилу, обросшую травою, забытую міромъ. Вѣроятно ни одна слеза любви и дружества не орошала ее, ни одинъ вздохъ не слышанъ былъ надъ нею: только св. церковь умоляетъ о упокоеніи души почившей тутъ странницы міра. Нѣтъ никакого памятника: одинъ крестъ—вѣрный блюститель въ Богѣ почивающихъ, напоминаетъ о той, чей прахъ покоится подъ сѣнію его: «Здѣсь погребена раба Божія И. А. *Гулимова.*

Гулимова! о, сколько съ этимъ именемъ родилось въ душѣ моей воспоминаній. Это та благочестивая дѣва, которая кротостію, терпѣніемъ своимъ обратила на себя благоволеніе небесное, та страдалица, на которой совершились дивныя дѣла Божіи.

Христіанское благочестіе, вѣроятно, желаетъ узнать о томъ происшествіи, какое совершилось болѣе, нежели за четверть столѣтія, въ здѣшнемъ городѣ:—отъ всей души готовъ передать то, что извѣстно мнѣ, какъ самовидцу.

Истина этого происшествія утверждена не однимъ моимъ тогдашнимъ описаніемъ,—но свидѣтельствомъ всего Нижняго Новгорода, духовнаго и гражданскаго начальства и благоразсмотрѣніемъ наконецъ Св. Сунода.—Вотъ подлинное сказаніе объ этомъ событіи въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ. (а).

(а) Христіанское Чтеніе, часть II. 1824 года.

Чудесное исцѣленіе

одной дѣвицы въ свѣтлый день воскресенія христова апрѣля 10 д. 1821 года въ нижнемъ новгородѣ. (*)

Уже болѣе мѣсяца получены здѣсь, въ Санктпетербургѣ, изъ Нижняго Новгорода, не только частныя извѣстія, но и оффиціальныя донесенія объ этомъ исцѣленіи; на сихъ же дняхъ получено оттуда подробное и совершенно несомнѣнное свѣдѣніе, основанное на изслѣдованіи, произведенномъ по распоряженію духовнаго и гражданскаго начальства. Слѣдующее извлеченіе изъ сихъ свѣдѣній сдѣлано со всевозможною точностію, и большею частію словами самыхъ донесеній.

«Исцѣлѣвшая дѣвица Ирина Андреева 35 лѣтъ; мѣстожительство ея въ приходѣ Благовѣщенскаго Собора, въ домѣ роднаго брата своего, тит. совѣт. Кесарія Андреева Гулимова. По удостовѣренію родственниковъ ея и сосѣдей, на 17 году своей жизни она сдѣлалась больна горячкою и ломотою въ головѣ, при чемъ изъ ушей ея текла сильная матерія, и потомъ выпала заушная косточка. Таковая болѣзнь продолжалась у нея около года; и хотя она получила облегченіе, но стала мало слышать, и тупо говорить. Въ такомъ положеніи была она до 31 года своей жизни, чувствуя въ головѣ своей почти всегдашнюю боль. Впрочемъ при всей слабости своего здоровья, она занималась портнымъ мастерствомъ для себя и другихъ; но съ 29 числа августа 1817 года она начала чувствовать въ здоровьѣ своемъ большую слабость, а наконецъ лишилась зрѣнія, слуха, языка и ногъ. Въ такомъ увѣчномъ состояніи находилась три года и семь мѣсяцевъ, такъ что и съ помощію другихъ едва могла приподниматься, чтобы сѣсть на постелѣ, приклонясь къ стѣнѣ; а сидѣть на постелѣ просто и сходить съ оной совсѣмъ не могла. Когда нужно было, ее носили на рукахъ; пищу брала она изъ постороннихъ рукъ ощупью; а въ случаѣ какой-либо просьбы она давала знаки, стуча рукою, и мыча ртомъ. И въ ночи на самый день свѣтлаго воскресенія христова лежала она на томъ же болѣзненномъ одрѣ своемъ съ матерью своею, которая при старости своей, служила ей въ болѣзни безъ всякой надежды ея выздоровленія.—Но вдругъ страдалица почувствовала легость въ ногахъ, облегченіе въ головѣ, свѣтъ въ глазахъ, свободу въ языкѣ и способность слышать. Въ неизреченной радости она встала съ постели сама по себѣ, и пошла въ ближнюю горницу, въ коей первый попавшійся ей предметъ было зеркало, въ которомъ увидѣвъ себя она сказала: «ахъ! какъ я худа,— совершенно мертвая.» Мать ея, увидя, что она ходитъ и говоритъ, отъ недоумѣнія едва могла сдѣлать ей нѣсколько первыхъ вопросовъ. Когда же она спрашивала ее о образѣ столь скораго освобожденія отъ болѣзни; то исцѣлѣвшая разсказала: за нѣсколько дней до праздника свѣтлаго воскресенія христова, было ей во снѣ видѣніе. Видѣла она себя въ нѣкоемъ храмѣ, коего красота превышаетъ всякое описаніе, и въ немъ нѣкоего мужа, читающаго книгу, украшенную золотомъ. Мужъ сей, думаетъ она, былъ Іоаннъ Креститель; ибо лице его весьма похоже на образъ Іоанна Крестителя, находившійся въ ея комнатѣ. Мужъ сей благословилъ ее, и послалъ къ другому, тутъ же находившемуся мужу, въ архіерейскомъ облаченіи чрезвычайнаго величія и красоты. Въ десницѣ его былъ крестъ. Дивный Святитель повелѣлъ ей приближиться къ себѣ, но она въ трепетѣ отъ его величія не могла ступить съ мѣста. Онъ вторично повелѣлъ ей, и она, со страхомъ приближась къ нему пала къ стопамъ его. Въ сіе время увидѣла она на ногахъ Его по глубокой ранѣ; а послѣ увидѣла, что таковыя же раны были и на рукахъ Его. Онъ благословилъ ее крестомъ, который былъ въ десницѣ Его, и, давъ облобызать ей спасительный крестъ, приклонился къ ея уху и сказалъ: *страданія твои кончились; въ день воскресенія Моего ты будешь здорова.*

«Послѣ сего видѣнія, она видѣла другое. Именно, за нѣсколько часовъ до ея выздоровленія видѣла она также во снѣ пришедшую къ ней прекрасную Дѣвицу, которая привѣтствовала ее съ праздникомъ воскресенія христова обыкновеннымъ выраженіемъ: *Христосъ воскресе*, и сдѣлалась невидимою. Проснувшись послѣ сего послѣдняго видѣнія, она почувствовала въ себѣ то исцѣленіе, которымъ пользовалась до конца своей жизни.

Хотя отъ бывшей продолжительной болѣзни примѣтна была въ ней слабость; но зрѣніе — чисто, какъ необыкновенный даръ Божій, и хожденіе твердо. На другой день свѣтлаго воскресенія ходила она сама собою въ Соборную Архангельскую церковь слушать обѣдню, и послѣ оной служила молебенъ въ благодареніе Господу Богу, воздвигшему ее отъ одра болѣзни.

По причинѣ столь чудеснаго съ нею событія она рѣшилась посвятить себя монашеской жизни

(*) Съ одобренія Духовной Цензуры.—

отказалась отъ употребленія скоромной пищи и начала употреблять постную.»—

Вскорѣ по исцѣленіи, дѣвица *Гулимова*, по обѣту, ею данному, вступила въ Нижегородскій Крестовоздвиженскій дѣвичій монастырь. Здѣсь она вела примѣрную жизнь. Крестъ свой несла съ великодушіемъ истинной послѣдовательницы Христовой. Кротость, беззлобіе, послушаніе, были ея украшеніемъ и неизмѣнными свойствами. Кромѣ бѣдной рясы, своего ничего не имѣла. По этой благочестивой жизни называли ее: *Божій человѣкъ*. Нерѣдко воспоминала она о томъ дивномъ явленіи, какое предшествовало ея исцѣленію въ 1821 году, и при этомъ воспоминаніи всегда приходила въ необыкновенную восторженность. Иногда взирая на небо, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, говорила: *вотъ Богъ мой!* Сія раба Божія скончалась мирно въ 5 ч. утра, 13 іюля 1827 г.

Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, что Онъ и нынѣ, какъ прежде, посѣщаетъ народъ свой, и творитъ ему избавленіе. *Милость Его въ роды родовъ боящимся Его*. Лук. 1. 68. 50.

Есть еще достопримѣчательныя черты въ лѣтописяхъ прежняго и новаго Крестовоздвиженскаго Монастыря. Это годичное въ немъ пребываніе въ концѣ XVIII столѣтія, извѣстной въ Россіи и другихъ странахъ, преданностію, примѣрною дѣтскою любовію, и глубокимъ послушаніемъ правиламъ монашеской жизни, дѣвицы Прасковьи *Лупаловой*, (*) совершившей для счастія родителей необыкновенный подвигъ, многотрудное—отъ Ишима (Тобольской Губерніи) до Санктпетербурга, на пространствѣ 3400 верстъ путешествіе. Желаніе ея послѣ безчисленныхъ препятствій, совершилось. Цѣль достигнута съ блистательнымъ успѣхомъ. Осыпанная милостями Августѣйшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и богатыми дарами вельможъ, она имѣла наконецъ неоцѣненное счастіе исходатайствовать предъ престоломъ Благословеннаго своимъ страдальцамъ, близкимъ ея сердцу и друзьямъ ихъ, всемилостивѣйшее прощеніе съ возвращеніемъ ихъ изъ Сибири, на страну отечества. Скончалась 4 декабря 1809 года, въ Новгородскомъ Духовомъ Монастырѣ.

Протоіерей П. Лебедевъ.

(*) Извѣстна больше подъ именемъ Параши Сибирячки.

ЧАСТНОЕ ИЗВѢСТІЕ

На Покровкѣ въ Д. Никольской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ.

О ПРІѢХАВШИХЪ И ВЫѢХАВШИХЪ.

съ 21 по 24 Сентября 1849 года

Пріѣхали въ Нижній—Новгородъ

Изъ Москвы проѣзд. въ Казань тит. сов. *Тютчевъ* ост. во 2-й Кремлев. Части; изъ Владиміра над. сов. *Новиковъ* ост. Рождест. Части.

Редакторъ П. Мельниковъ.

Нижній-Новгородъ. Въ Губернской Типографіи. Печатать дозволяется. Нижегородскій Военный Губернаторъ Князь Урусовъ